

УДК 159.922.1

DOI: 10.26795/2307-1281-2019-7-4-7

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЮНОШЕЙ-СТАРШЕКЛАССНИКОВ С РАЗНЫМИ ВАРИАНТАМИ РАЗВИТИЯ МУЖСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Л. Э. Семенова¹, В. Э. Семенова¹, Т. А. Серебрякова², И. А. Конева²

*¹Нижегородский институт развития образования, Нижний Новгород,
Российская Федерация*

*²Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. Данная статья посвящена проблеме психологического благополучия личности в контексте становления мужской идентичности, носящей социокультурный характер и производной от принятых субъектом канонов маскулинности. Исходной установкой авторов является идея многовариативности развития мужской идентичности и, соответственно, наличия разных типов данного феномена. Рассмотрены некоторые из существующих на сегодняшний день типологий маскулинности и мужской идентичности. Приводятся аргументы, разоблачающие традиционные стандарты маскулинности и соответствующую им мужскую идентичность. На основе анализа научных первоисточников показана фрагментарность изучения отдельных аспектов психологического благополучия у представителей традиционных вариантов развития мужской идентичности и обоснована актуальность исследования данного феномена у субъектов с другими вариантами мужской идентичности.

Материалы и методы. В логике типологии мужской идентичности Н.К. Радиной и А.А. Никитиной и с позиций концепции психологического благополучия К. Рифф в русле епiс-подхода изучена специфика проявления общего уровня и основных компонентов психологического благополучия у представителей разных вариантов развития мужской идентичности применительно к раннему юношескому возрасту. Также проведен сравнительный анализ типов мужской идентичности у юношей-старшеклассников из полных и неполных (материнских) семей.

Результаты исследования. Получены данные, подтверждающие справедливость предположения о том, что для большинства юношей из неполных (материнских) семей оказываются характерны патриархатные и гибридные типы мужской идентичности, тогда как у их сверстников из полных семей наряду с патриархатными и гибридными на порядок чаще встречаются альтернативные варианты развития мужской идентичности. При этом констатирован факт наличия статистически значимых различий по большинству компонентов психологического благополучия у юношей с разными типами мужской идентичности, большинство из которых зафиксированы в пользу испытуемых с альтернативными и реже – патриархатными вариантами развития мужской идентичности. Кроме того, установлено, что наиболее высокие показатели общего уровня психологического

General psychology, personality psychology, history of psychology

благополучия наблюдаются у юношей – представителей альтернативных типов мужской идентичности.

Обсуждение и заключения. По результатам проведенного исследования делается вывод о необходимости смягчения традиционных норм мужественности и наделения легитимным статусом альтернативных стандартов и моделей мужского поведения.

Ключевые слова: маскулинность, мужская идентичность, типы мужской идентичности, психологическое благополучие, юноши-старшеклассники.

Благодарность: авторы выражают благодарность А.О. Иванцовой, которая принимала участие в сборе и обработке некоторых эмпирических данных.

Для цитирования: Семенова Л.Э., Семенова В.Э., Серебрякова Т.А., Конева И.А. Психологическое благополучие юношей-старшеклассников с разными вариантами развития мужской идентичности // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, №4. С.7.

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF BOYS HIGH SCHOOL STUDENTS WITH DIFFERENT VARIANTS OF DEVELOPMENT OF MALE IDENTITY

L. E. Semenova¹, V. E. Semenova¹, T. A. Serebriakova², I. A. Koneva²

¹*Nizhny Novgorod Institute of Education Development, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

²*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. This article is devoted to the problem of psychological well-being of the individual in the context of the formation of male identity, which has a socio-cultural character and is derived from the canons of masculinity adopted by the subject. The initial setting of the authors is the idea of multi-variant development of the male identity and consequently the availability of different types of this phenomenon. Some of the existing typologies of masculinity and masculine identity are considered. The arguments exposing the traditional standards of masculinity and the corresponding male identity are given. On the basis of the analysis of scientific primary sources the fragmentary nature of the study of certain aspects of psychological well-being of representatives of traditional variants of development of male identity is shown and the relevance of the study of this phenomenon in subjects with other variants of male identity is substantiated.

Materials and Methods. In the logic of the typology of male identity N.K.Radina and A.A.Nikitina and from the standpoint of the concept of psychological well-being K.Riff in line with the emic-approach studied the specificity of the manifestation of the General level and the main components of psychological well-being in representatives of different options for the development of male identity in relation to early adolescence. A comparative analysis of the types of male identity in high school boys from full and incomplete (maternal) families is also carried out.

Results. The data confirmed the validity of the assumption that the majority of young men from incomplete (maternal) families are characterized by Patriarchal and hybrid types of male identity,

while their peers from full families, along with Patriarchal and hybrid order of magnitude more common alternative options for the development of male identity. It is stated that there are statistically significant differences in the majority of components of psychological well-being in young men with different types of male identity, most of which are recorded in favor of the subjects with alternative and less – Patriarchal options for the development of male identity. In addition, it was found that the highest rates of overall psychological well-being observed in young men – representatives of alternative types of male identity.

Discussion and Conclusions. According to the results of the study, it is concluded that it is necessary to soften the traditional norms of masculinity and to give a legitimate status to alternative standards and models of male behavior.

Keywords: masculinity, male identity, types of male identity, psychological well-being, high school boys.

Acknowledgements: the authors express their gratitude to A.O.Ivantsova, who participated in the collection and processing of some empirical data.

For citation: Semenova L.E., Semenova V.E., Serebriakova T.A., Koneva I.A. Psychological well-being of boys high school students with different variants of development of male identity // Vestnik of Minin University. 2019. Vol. 7, no. 4. P 7.

Введение

Примерно с середины 90-х годов XX столетия в России стали активно развиваться гендерные исследования, теоретико-методологическую основу которых составил гендерный подход, предполагающий четкое разграничение понятий «пол» и «гендер» и, как следствие, осознание социокультурной сущности всего того, что имеет отношение к людям женского и мужского пола. Значительная часть такого рода исследований в отечественной и в зарубежной психологии и близких с ней областях научного знания на сегодняшний день посвящена проблемам гендерных норм и специфике становления и проявления гендерной идентичности, в том числе применительно к лицам мужского пола [1; 3; 5; 8; 9; 10; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 19; 20; 21; 24; 28; 30; 31; 34; 35; 37; 39; 40; 42; 47; 48; 50; 51 и др.].

Обычно такие работы выполняются в логике двух научных подходов, а именно: etic-подход, который предполагает сравнительный анализ применительно к двум гендерным группам – женской и мужской, и emic-подход, который предполагает анализ одной из гендерных групп – либо женской, либо мужской. И если раньше в основном преобладали исследования, выполненные в русле etic-подхода, то в последнее время все чаще встречаются работы, выполненные в русле emic-подхода. При этом у многих современных ученых – специалистов в области мужских исследований меняется риторика, свидетельствующая о признании факта вариативности развития мужской идентичности и, соответственно, существования разных типов данного феномена, среди которых не только традиционные, но и новые – нетрадиционные варианты [15; 19; 20; 21; 27; 28; 42 и др.], свидетельствующие об изменениях в приверженности некоторых мужчин к так называемым «нормам мужественности» [1; 8; 10; 13; 34; 51]. Однако вместе с тем в научной литературе

по-прежнему остается мало освещенным вопрос о том, насколько психологически благополучными являются представители мужского пола с разными вариантами развития мужской идентичности, что позволяет считать эту проблему значимой и актуальной.

Обзор литературы

По имеющимся на сегодняшний день данным, образ «настоящего мужчины» каждое общество в разные исторические периоды конструирует по-своему, порождая тем самым феномен многообразных социокультурных версий мужской идентичности [1; 4; 5; 13; 15 и др.]. Так, в настоящее время мужская идентичность претерпевает определенные изменения, обусловленные существенными переменами в начале третьего тысячелетия содержательного контекста гендерной социализации, когда постепенно на смену традиционной/патриархатной стратегии приходит альтернативная/эгалитарная, предполагающая гендерное равенство и акцент на индивидуальности личности [23], что находит свое отражение в ментальности и поведении современных женщин и мужчин.

В частности, появляются так называемые новые – ответственные – отцы, активно вовлеченные в заботу о детях и демонстрирующие в контактах с ними не соответствующее традиционному образу мужественности эмоционально открытое поведение, которое позитивно влияет на самооценку и степень удовлетворенности жизнью мужчины [9]. Кроме того, постепенно увеличивается количество приверженцев мейнстрима «метросексуальности», ориентированных на гедонизм, индивидуализм, потребление всего модного, а главное – совершенствование своего внешнего вида и образа жизни, не имеющих ничего общего с традиционной брутальностью [4; 17; 19; 20 и др.].

Как показывают исследования, в основе становления мужской идентичности лежит социально сконструированный проект маскулинности, так называемая «идеология мужественности», которая является составной частью культуры общества [1; 13]. Содержательно идеология мужественности может быть различной, однако в большинстве случаев она является традиционной, что предполагает обязательную «непохожесть на женщин» и к тому же нередко поощряет нездоровое поведение мужчин (как, например, неоправданный риск) [1; 10; 12; 13; 29; 51 и др.].

Одним из первых такую идеологию мужественности применительно к американской культуре описал Р. Брэннон, обозначив четыре принципа эталонной маскулинности [34]:

- 1) необходимость отличаться от женщин, избегать всего женского;
- 2) необходимость добиваться успеха, эффективно конкурировать, опережая других мужчин;
- 3) необходимость быть сильным, независимым и не показывать слабость;
- 4) необходимость обладать реальной властью, выражающейся в доминировании не только над женщинами, но и над другими мужчинами.

Следует заметить, что все вышеобозначенные принципы практически полностью совпадают со структурой выделенных впоследствии ролевых предписаний, адресованных мужчине и определяемых набором социальных норм, среди которых наиболее значимыми считаются следующие: норма статуса или социальной успешности, норма твердости (физической, умственной и эмоциональной), норма антиженственности [1; 51], а также норма принудительной гетеросексуальности [8; 13] и некоторые другие.

Однако в условиях современного общества эпохи постмодерна ученые констатируют наличие и других канонов маскулинности, т.е., иными словами, существующее в настоящее время многообразие социокультурной среды дает почву для создания разных вариантов маскулинности и, как следствие, мужской идентичности [5; 13; 16; 21; 29 и др.], что также согласуется с отсутствием единых представлений не только женщин, но и самих мужчин об образе мужественности и наличии сугубо мужских качеств [28].

Одним из первых поднял этот вопрос австралийский исследователь Роберт (ныне Рэйвин) Коннелл¹, подвергнув сомнению единый образ маскулинности и выйдя на обсуждение его возможных проявлений. В частности, в работах этого автора была выделена и описана «гегемонная» маскулинность, которая характеризует мужчин, стоящих на вершине гендерной иерархии, т.е. обладающих реальной властью. По словам Р. Коннелл, такой тип маскулинности является культурным образцом, доминантной моделью, которая, с одной стороны, отражает представления о мужской гендерной роли, разделяемые преобладающей частью общества, тогда как с другой – поддерживается социальными институтами и определяется как главный канон «настоящего» мужчины, т.е. считается наиболее правильным и идеальным [14]. По сути, именно о таком типе маскулинности идет речь в описанных выше принципах и нормах мужской гендерной роли, и именно представителям такого доминантного типа маскулинности принадлежит реальная власть [8]. Подчеркнем, что на сегодняшний день гегемонная маскулинность становится предметом научного анализа и в ряде исследований российских специалистов [3; 12; 13; 27 и др.].

В свою очередь отечественный социолог И.Н. Тартаковская предлагает типологию, согласно которой можно говорить о трех вариантах маскулинности: состоявшаяся, маргинализируемая (промежуточная) и несостоявшаяся [29]. Представителями состоявшейся маскулинности, по мнению И.Н. Тартаковской, являются так называемые «брутальные» мужчины. К типу маргинализируемой маскулинности она относит и бедных мужчин, и этнически стигматизированных, и мужчин-инвалидов, которых, по сути, объединяет только одно – статус мужчин, социальное положение которых зависит от их принятия и одобрения членами доминантной группы [29]. Кроме того, к типу маргинализируемой маскулинности И.С. Кон относит также «романтическую» маскулинность [13], В.С. Куимов – «инвалидную» маскулинность [15], а В.А. Суковатая – «сенситивную» маскулинность, характеризующуюся ярким проявлением чувств, что обычно приписывают фемининности и совершенно недопустимо для традиционной маскулинности, и «гей»-маскулинность [27]. Однако самым разнообразным по возможным вариантам проявления оказывается несостоявшаяся маскулинность, имеющая подчиненный и зависимый статус, т.е. относящаяся к мужчинам, не соответствующим критериям «настоящей» маскулинности и потому находящимся внизу гендерной иерархии [13; 29]. Как правило, по словам И.Н. Тартаковской, для несостоявшегося типа маскулинности бывает характерна повышенная агрессивность и одновременно покорность судьбе. Типичный представитель такой маскулинности – неудачник, открыто признающий свое поражение в области профессиональной карьеры, но обвиняющий в этом других или обстоятельства. Однако вместе с тем к числу несостоявшихся нередко относят также и других мужчин, а именно: «домохозяина», «алкоголика», «подкаблучника» и «альфонса» [15].

¹ С 2006 года Роберт Коннелл подписывает свои труды женским именем Рэйвин Коннелл. Соответственно далее в тексте статьи, фамилия этого автора будет приводиться в женском роде.

Признавая факт наличия множественной маскулинности, условности и относительности ее характеристик, некоторые отечественные психологи как множественный феномен рассматривают и мужскую идентичность. К примеру, согласно данным исследований Н.К. Радиной и А.А. Никитиной, на сегодняшний день справедливо говорить о следующих типах мужской идентичности: патриархатные, гибридные и альтернативные [21]. Всего этими авторами выделено семь вариантов развития мужской идентичности.

Так, к патриархатным типам они относят:

- гегемонную мужскую идентичность;
- «компенсаторную» мужскую идентичность, основанную на сексизме и доминировании над женщинами и вместе с тем предполагающую отсутствие установок на строгое соблюдение «норм мужественности»;
- «мягкую» патриархатную идентичность, при которой, по словам авторов, мужчина в целом патриархатно-ориентирован, но его установка на соблюдение «норм мужественности» оказывается слабо выраженной.

Гибридные типы мужской идентичности представлены двумя так называемыми промежуточными вариантами между патриархатными и альтернативными, предполагающими соблюдение норм, присутствующих как в патриархатных, так и в альтернативных сценариях, а именно:

- гегемонно-метросексуальный (рискованный);
- гегемонно-метросексуальный (нерискованный).

Альтернативные мужские идентичности, для которых характерен отход от идеологии и практики гендерной дискриминации, также включают два варианта развития мужской идентичности:

- метросексуальный, который предполагает ярко выраженную центрированность мужчины на себе и своей внешности;
- эгалитарный, имеющий множество форм, общим признаком которых является признание женщин как равноценной социальной группы.

При этом выявлена следующая закономерность возрастной динамики относительно вариантов развития мужской идентичности в период ранней, средней и поздней зрелости: значительное увеличение с возрастом представителей компенсаторного типа и, напротив, снижение степени распространенности метросексуального типа, а также в целом преобладание во всех возрастах патриархатных вариантов развития мужской идентичности над альтернативными [17].

Сразу же оговоримся, что в своем исследовании мы опирались именно на данную классификацию и использовали разработанный Н.К.Радиной и А.А.Никитиной опросник, позволяющий определить преобладающий у испытуемого вариант мужской идентичности [21].

Таким образом, как свидетельствуют исследования, в современном обществе у многих мужчин наблюдается реальный отход от традиционного канона маскулинности и соответствующих ему норм мужской гендерной роли, что некоторые авторы связывают с проблематичностью самого феномена маскулинности и критериев «настоящего» мужчины, а также недостижимостью большинством мужчин эталона традиционной мужественности. Не случайно даже в литературе последних лет все активнее начинает обсуждаться проблема кризиса маскулинности [3; 28; 30 и др.] и его возможных последствий. Среди этих

последствий – гендерно-ролевые конфликты, которые частично затрагивают и особо интересующее нас психологическое благополучие представителей мужского пола.

В частности, все чаще встречаются аргументы, разоблачающие гегемонную маскулинность [35; 47 и др.], тогда как сама гегемонная маскулинность уже рассматривается как фактор мужского нездоровья, создающий основу для травматического напряжения мужчины [12]. При этом в качестве однозначно негативных с точки зрения не только физического, но и психологического здоровья мужчины начинают трактоваться такие аспекты идеологии мужественности, как озабоченность успехом, властью и соперничеством, потребность выглядеть сильным и избегать любых проявлений слабости, включая эмоциональную экспрессию, и, напротив, необходимость демонстрировать высокий эмоциональный самоконтроль и самообладание, поскольку имеются данные, подтверждающие их роль в снижении самоуважения, а также повышении тревожности и риска депрессивной симптоматики и суицидов [45; 48 и др.]. Соответственно, есть все основания полагать, что традиционные нормы мужественности и попытка следовать им оказываются деструктивными в плане самочувствия и удовлетворенности собой лиц мужского пола, с которыми обычно соотносится психологическое благополучие личности [32; 45 и др.]. Однако, что касается благополучия представителей других вариантов развития мужской идентичности, то такого рода информация в научной литературе ограничивается единичными и к тому же косвенными упоминаниями (например, [11]), что не позволяет делать какие-либо однозначные заключения.

Именно это и побудило нас провести собственное исследование, в котором мы опирались на концепцию психологического благополучия К. Рифф. Поясним, что рамках данной концепции под психологическим благополучием понимается особая характеристика личности, в которой в совокупности обобщены все проявления ее позитивного функционирования, выступающие в качестве основных структурных компонентов этого феномена, а именно: личностный рост, самопринятие, управление средой, автономия, цели в жизни и позитивные отношения с окружающими [52]. Конечно, в современной гуманитарной науке существуют и другие подходы к трактовке и изучению психологического благополучия (включая дополнения к концепции К. Рифф [44]), а также близких к нему феноменов, среди которых, в частности, счастье, субъективное благополучие, эмоциональное благополучие и др. [2; 6; 7; 18; 22; 33; 36; 38; 41; 43; 46; 49; 53 и др.]. Однако в рамках данного исследования, как и в своих предыдущих [25; 26 и др.], вслед за К. Рифф мы рассматривали психологическое благополучие как феномен, имеющий шестикомпонентную структуру, осуществив ее сравнительный анализ у представителей разных типов мужской идентичности применительно к раннему юношескому возрасту.

Материалы и методы

Итак, целью своего исследования мы определили изучение специфики проявления психологического благополучия у юношей-старшеклассников с разными вариантами развития мужской идентичности. При этом в качестве дополнительной линии анализа мы осуществляли сравнение типов мужской идентичности у юношей из полных и неполных (материнских) семей.

Соответственно, нами были сформулированы следующие гипотезы:

General psychology, personality psychology, history of psychology

1. Для большинства юношей из неполных (материнских) семей могут быть характерны патриархатные и гибридные типы мужской идентичности, тогда как у юношей из полных семей наряду с патриархатными и гибридными гораздо чаще будут встречаться альтернативные варианты развития мужской идентичности.

2. Психологическое благополучие юношей с разными вариантами развития мужской идентичности будет иметь ряд существенных различий по большинству структурных компонентов данного личностного феномена.

3. Более высокие показатели общего уровня психологического благополучия будут наблюдаться у юношей – представителей альтернативных типов мужской идентичности.

В качестве методического инструментария нами были использованы два опросника: «Изучение развития мужской идентичности «Я и другие мужчины»» (авторы Н.К. Радина, А.А. Никитина) и «Шкалы психического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко.

При обработке полученных данных применялись методы статистической обработки, среди которых: расчет средних значений, стандартных отклонений от средних значений, критерий Фишера и критерий Стьюдента.

В нашем исследовании принимали участие юноши – учащиеся старших классов в количестве 112 человек; из них: 64 старшеклассника из полных семей и 48 старшеклассников из неполных (материнских) семей.

Результаты исследования

Первый этап нашего эмпирического исследования был посвящен выявлению основных вариантов развития мужской идентичности у юношей старшеклассников из полных и неполных семей. Все полученные в этом плане результаты нашли свое отражение в таблице 1.

Таблица 1 – Варианты развития мужской идентичности у юношей-старшеклассников из полных и неполных семей / Table 1 – Variants of the development of male identity in boys of high school students from complete and single-parent families

Тип мужской идентичности / Type of male identity		Полная семья (кол-во / %) / Full family (quantity / %)	Неполная семья (кол-во / %) / Incomplete family (quantity / %)	Критерий Фишера / Fisher test
Патриархатные варианты / Patriarchal options	Гегемонный / Hegemonic	11 / 17	4 / 8	1,43
	Компенсаторный / Compensatory	14 / 22	19 / 40	2,04 (p≤0,05) HC
	«Мягкий» патриархатный / "Soft" patriarchal	5 / 8	1 / 2	1,51
Гибридные варианты / Hybrid options	Гегемонно-метросексуальный (рискованный) / Hegemonic metrosexual (risky)	4 / 6	11 / 23	2,62 (p≤0,01) HC
	Гегемонно-метросексуальный	2 / 3	8 / 16	2,47 (p≤0,01) HC

	(нерискованный) / Hegemonic Metrosexual (Riskless)			
Альтернативные варианты / Alternatives	Метросексуальный / Metrosexual	11 / 17	3 / 7	1,64 (p≤0,05) ПС
	Эгалитарный / Egalitarian	17 / 27	2 / 4	3,59 (p≤0,01) ПС

Примечание: НС – достоверность различий в пользу испытуемых из неполной семьи; ПС – достоверность различий в пользу испытуемых из полной семьи / *Note:* НС – significance of differences in favor of testees from an incomplete family; ПС – the significance of differences in favor of subjects from a complete family

Как можно видеть из таблицы 1, в группе испытуемых из неполных (материнских) семей наблюдается примерно равное соотношение патриархатных и гибридных вариантов развития мужской идентичности (50% и 39% соответственно), хотя большинство юношей, воспитывающихся без участия отца, являются представителями компенсаторного типа (40%). В то же время в группе испытуемых из полных семей также отмечается примерно равное соотношение, но уже патриархатных и альтернативных вариантов развития мужской идентичности (47% и 44% соответственно), при этом наиболее распространенным оказывается эгалитарный тип идентичности (27%) и несколько в меньшей степени компенсаторный (22%). Иными словами, согласно полученным нами данным, в целом в юношеской среде преобладают патриархатные варианты развития мужской идентичности, прежде всего, компенсаторный тип, который встречается примерно у одной третьей от общего числа всех наших испытуемых. Подчеркнем, что эти результаты частично совпадают с опубликованными ранее, а именно в плане доминирования, пусть и незначительного, патриархатных типов мужской идентичности, правда, в основном не за счет компенсаторного, как в нашем случае, а мягко-патриархатного [17].

Также обращает на себя внимание тот факт, что по большинству вариантов развития мужской идентичности обнаружены статистически значимые различия между испытуемыми из полных и материнских семей. В частности, все гибридные варианты развития мужской идентичности и компенсаторный тип гораздо чаще встречаются у юношей-старшеклассников из материнских семей, тогда как альтернативные варианты мужской идентичности, и метросексуальный, и эгалитарный, напротив, в большей степени характерны для юношей из полных семей. Только в случае двух типов мужской идентичности – гегемонного и мягко-патриархатного – различия между старшеклассниками из полных и неполных семей оказались недостоверными.

Комментируя полученные результаты, заметим, что они могут служить своего рода иллюстрацией специфики первичной мужской социализации в разных типах семей. Так, с одной стороны, данные сравнительного анализа свидетельствуют о менее жестких условиях социализации в тех семьях, где мальчик живет не только с матерью, но и с отцом, что находит свое проявление в отходе таких старшеклассников от стандартов традиционной (патриархатной) мужественности. С другой стороны, особенности развития мальчика в условиях отцовской депривации, когда отсутствуют реальные образцы для подражания, делают их идентичность более уязвимой, а их самих менее статусными и конкурентоспособными в группе однополых сверстников, что в итоге приводит к возникновению у многих юношей из материнских семей гипертрофированной потребности подчеркивать свою нормативную мужественность любыми доступными средствами, одним

General psychology, personality psychology, history of psychology

из которых является превосходство над представительницами женского пола. Кроме того, если принять во внимание тот факт, что гибридные типы могут быть характерны, прежде всего, тем индивидам, которые находятся в поисках своей идентичности [17], то логично будет утверждать, что юноши из материнских семей имеют менее определенные установки относительно мужской гендерной роли, нежели их сверстники из полных семей, и колеблются между традиционными (патриархатными) и альтернативными им вариантами развития мужской идентичности. Соответственно, есть вероятность, что с возрастом они могут пополнить ряды сторонников как традиционного канона маскулинности, так и нетрадиционных сценариев личностного развития мужчины.

Таким образом, полученные нами результаты убеждают в том, что уже в период ранней юности имеет место многообразие и вариативность проявления мужской идентичности, которая во многом зависит от условий семейной среды и, в частности, типа семьи, в которой происходит взросление юноши.

Далее на втором этапе исследования мы осуществляли сравнительный анализ основных структурных компонентов психологического благополучия у старшеклассников с разными вариантами развития мужской идентичности. Результаты этого анализа зафиксированы в таблице 2.

Таблица 2 – Основные структурные компоненты и общий уровень психологического благополучия юношей-старшеклассников с разными вариантами развития мужской идентичности / Table 2 – The main structural components and the general level of psychological well-being of high school boys with different options for the development of male identity

Компоненты психологического благополучия / Components of psychological well-being	Типы мужской идентичности / Types of Male Identity ($X \pm \delta$)			t-критерий Стьюдента / Student t-test		
	Патриархатные / Patriarchal	Гибридные / Hybrid	Альтернативные / Alternative	t_1	t_2	t_3
Позитивные отношения с другими / Positive relationship with others	63,1±10,6	63,4±7,2	67,8±8,1	0,15	2,35 ($p \leq 0,05$)A	2,20 ($p \leq 0,05$)A
Автономия / Autonomy	66,0±9,4	59,3±8,9	61,7±9,9	3,06 ($p \leq 0,01$)П	2,00 ($p \leq 0,05$)П	0,96
Управление окружением / Environmental management	63,3±9,8	56,7±5,9	60,7±7,1	3,71 ($p \leq 0,001$) П	1,43	2,34 ($p \leq 0,05$)A
Личностный рост / Personal growth	62,9±10,7	63,4±9,9	68,4±7,9	0,20	2,75 ($p \leq 0,01$)A	2,08 ($p \leq 0,05$)A
Цели в жизни / Goals in life	63,7±8,6	64,1±5,8	66,9±9,3	0,24	1,60	1,41
Самопринятие / Self-acceptance	67,7±9,9	63,1±9,4	71,1±10,4	1,99 ($p \leq 0,05$)П	1,50	3,08 ($p \leq 0,01$)A
Общий балл / Total score	386,7±43,3	370±31,3	396,6±38,1	1,94	1,12	2,92 ($p \leq 0,01$)A

Примечание: X – средние значения данных; δ – стандартное отклонение от средних значений; t_1 – различия между юношами с патриархатными и гибридными типами мужской идентичности; t_2 – различия между юношами с патриархатными и альтернативными типами мужской идентичности; t_3 – различия между юношами с гибридными и альтернативными типами мужской идентичности; П – различия в пользу испытуемых с патриархатными типами мужской идентичности; А – различия в пользу испытуемых с альтернативными типами мужской идентичности / Note: X – average data values; δ – standard deviation from average values; t_1 – differences between young men with patriarchal and hybrid types of male identity; t_2 – differences between young men with patriarchal and alternative types of male identity; t_3 – differences between young men with hybrid and alternative types of male identity; П – differences in favor of subjects with patriarchal types of male identity; А – differences in favor of subjects with alternative types of male identity.

Итак, согласно полученным нами данным, в структуре психологического благополучия юношей с патриархатными вариантами развития мужской идентичности наиболее высокие показатели констатированы по параметру самопринятия ($x=67,7$; $\delta=9,9$), в то время как по большинству остальных структурных компонентов значения примерно одинаковые. Выходит, что, прежде всего, эти испытуемые демонстрируют удовлетворенность собой и своими личностными качествами, а также в большинстве своем склонны чувствовать себя вполне уверенно. Кроме того, судя по значениям шкалы «Автономия» ($x=66,0$; $\delta=9,4$), многие старшеклассники с патриархатными типами мужской идентичности подчеркивают свою независимость и способность противостоять социальному давлению, которые с позиций традиционной идеологии мужественности входят в перечень обязательных характеристик «настоящего» мужчины. Однако следует сразу же оговориться, что, вполне вероятно, эти результаты могут не отражать реального положения дел, а всего лишь служить иллюстрацией социально-желательных ответов, свидетельствующих о стремлении этих испытуемых продемонстрировать свое соответствие эталону состоявшейся маскулинности.

Если же обратиться к структуре психологического благополучия юношей с альтернативными типами мужской идентичности, то, исходя из данных, представленных в таблице 2, у них также в первую очередь преобладают показатели по шкале «Самопринятие» ($x=71,1$; $\delta=10,4$), следом за которыми в порядке убывания идут значения таких компонентов, как личностный рост ($x=68,4$; $\delta=7,9$), позитивные отношения с другими людьми ($x=67,8$; $\delta=8,1$) и цели в жизни ($x=66,9$; $\delta=9,3$). Иными словами, эти старшеклассники склонны подчеркивать факт своего самосовершенствования, наличие у себя близких, доверительных отношений с окружающими и четких осмысленных целей. И, напротив, исходя из ответов испытуемых этой группы, в наименьшей степени они чувствуют себя компетентными в управлении повседневными делами и жизненными обстоятельствами ($x=60,7$; $\delta=7,1$).

Что же касается юношей с гибридными вариантами развития мужской идентичности, то в структуре их психологического благополучия преобладают следующие компоненты: цели в жизни ($x=64,1$; $\delta=5,8$) и, с небольшим отрывом, позитивные отношения с окружающими ($x=63,4$; $\delta=7,2$), личностный рост ($x=63,4$; $\delta=9,9$) и самопринятие ($x=63,1$; $\delta=9,4$). При этом обращает на себя внимание тот факт, что практически по всем структурным компонентам в этой группе испытуемых по сравнению с другими старшеклассниками наблюдаются более низкие показатели, что, на наш взгляд, может быть связано с семейным статусом подавляющего большинства юношей с гибридными типами мужской идентичности. Как уже отмечалось выше, в основном эту группу испытуемых составили

старшеклассники из неполных (материнских) семей. А значит, есть все основания полагать, что полученные результаты характеризуют не столько представителей гибридных вариантов развития мужской идентичности, сколько юношей, воспитывающихся в условиях отцовской депривации.

В целом по итогам сравнительного анализа практически по всем компонентам психологического благополучия нами были зафиксированы статистически значимые различия по t-критерию Стьюдента, которые в одних случаях оказались в пользу испытуемых с патриархатными вариантами развития мужской идентичности, а в других – в пользу испытуемых с альтернативными вариантами развития мужской идентичности, причем последние встречались на порядок чаще.

Так, юноши с патриархатными типами мужской идентичности в отличие от всех других старшеклассников считают себя значительно более благополучными в плане собственной независимости от мнения окружающих, возможности принимать самостоятельные решения и совершать соответствующие им действия. При этом особенно ярко различия по шкале автономии обнаруживаются при сравнении с группой испытуемых с гибридными вариантами развития мужской идентичности ($t=3,06$ при $p\leq 0,01$), тогда как при сравнении с группой испытуемых с альтернативными вариантами развития мужской идентичности степень достоверности является гораздо менее выраженной ($t=2,00$ при $p\leq 0,05$). Кроме того, между юношами с патриархатными и гибридными типами мужской идентичности в пользу первых из них констатированы достоверно значимые различия еще по двум параметрам психологического благополучия, а именно: управление средой ($t=3,71$ при $p\leq 0,001$) и самопринятие ($t=1,99$ при $p\leq 0,05$). Другими словами, в отличие от тех старшеклассников, которые придерживаются как патриархатных, так и альтернативных, т.е. по сути полярных, установок, их сверстники, придерживающиеся исключительно установок традиционной мужественности, демонстрируют не только значительно более высокую удовлетворенность собой, но и наличие власти и возможности контроля над своим окружением, которые многие теоретики маскулинности относят к числу важных признаков состоявшейся мужественности [8; 10; 13; 34 и др.].

В свою очередь в пользу юношей с альтернативными вариантами развития мужской идентичности было обнаружено еще большее число статистически значимых различий, причем в большинстве случаев они также констатированы при сравнении со своими сверстниками с гибридными вариантами мужской идентичности и только по двум шкалам при сравнении со старшеклассниками с патриархатными типами мужской идентичности. В частности, испытуемые, придерживающиеся установок альтернативных стандартов мужественности, гораздо чаще всех остальных сообщают о доверительных отношениях с людьми из своего окружения ($t=2,00$ ($p\leq 0,05$) при сравнении с представителями патриархатных вариантов идентичности и $t=2,35$ ($p\leq 0,05$) при сравнении с представителями гибридных вариантов идентичности), а также о своих возможностях личностного роста и самореализации ($t=2,75$ ($p\leq 0,01$) при сравнении с представителями патриархатных и $t=2,08$ ($p\leq 0,05$) при сравнении с представителями гибридных типов мужской идентичности). Это говорит о том, что юноши с альтернативными вариантами развития мужской идентичности, в отличие от других старшеклассников, демонстрируют более высокую степень выраженности привязанности и близости в межличностных отношениях, а также наличие более ярко выраженного интереса к жизни и чувства саморазвития. Более того, так же как и у испытуемых с патриархатными вариантами развития мужской идентичности, у

представителей альтернативных типов мужской идентичности по сравнению с юношами с гибридными вариантами зафиксированы достоверно значимые различия относительно самопринятия ($t=3,08$ при $p \leq 0,01$) и управления окружающей средой и жизненными обстоятельствами ($t=2,34$ при $p \leq 0,05$). Выходит, что даже ориентация на нормы и стандарты, альтернативные традиционной мужественности, позволяют юноше обладать более высоким самоконтролем и к тому же сохранять более позитивное самоотношение, нежели у их сверстников – носителей гибридных установок.

Наконец, если обратиться к общему уровню психологического благополучия, то, как видно из таблицы 2, по этому итоговому показателю достоверно значимые различия были установлены только в одном случае из трех возможных, а именно: между группами испытуемых с альтернативными и гибридными вариантами развития мужской идентичности в пользу первых из них ($t=2,92$ при $p \leq 0,01$). Соответственно, это позволяет нам сделать вывод о том, что, как мы и предполагали, наиболее высокие показатели общего уровня психологического благополучия наблюдаются у юношей – представителей альтернативных типов мужской идентичности, в то время как самые низкие отмечаются у испытуемых с гибридными вариантами развития мужской идентичности.

Таким образом, как свидетельствуют полученные результаты, юноши с гибридными типами мужской идентичности оказались единственными среди участников нашего исследования, в чью пользу не было зафиксировано статистически значимых различий ни по одному структурному компоненту психологического благополучия, что, на наш взгляд, может говорить о некоторой неопределенности внутренней позиции и даже растерянности этой группы испытуемых, что делает их гораздо менее благополучными по сравнению с другими сверстниками мужского пола.

Обсуждение и заключения

Итак, как показало выполненное нами исследование, в раннем юношеском возрасте обнаруживают себя разные варианты развития мужской идентичности, среди которых в числе доминантных оказываются компенсаторный и эгалитарный типы, при этом первый из них преобладает у юношей из материнских семей, а второй – у их сверстников из полных семей. Напротив, наименее распространенным в юношеской среде является мягко-патриархатный тип, для которого характерно наличие слабо выраженных установок на соблюдение традиционных (патриархатных) канонов мужественности. Иными словами, нами констатирован факт преобладания у старшеклассников патриархатных вариантов развития мужской идентичности, который согласуется с уже полученными в отечественной психологии данными и в то же время расходится с ними относительно лидирующего у юношей варианта, поскольку ранее им считался мягко-патриархатный [17], тогда как в нашем исследовании таковым стал компенсаторный. Вместе с тем нами была выявлена новая закономерность, которая касается вариантов мужской идентичности юношей старшеклассников из разных типов семей, а именно: если у испытуемых из неполных (материнских) семей однозначное преимущество имеет компенсаторный вариант, то у их сверстников из полных семей лидирует эгалитарный вариант, относящийся к альтернативным типам мужской идентичности, следом за которым идет компенсаторный. Кроме того, у старшеклассников из полных семей также достаточно часто встречаются гегемонный и метросексуальный типы идентичности, тогда как у старшеклассников,

воспитывающихся в условиях отцовской депривации, помимо компенсаторного типа довольно часто наблюдается гегемонно-метросексуальный (рискованный). Комментируя такого рода факты, мы можем со всей очевидностью заявить, что они служат наглядной иллюстрацией влияния присутствия/отсутствия отца на процесс становления гендерной идентичности мальчика. В частности, как убеждают нас полученные результаты, нехватка непосредственного опыта действенного проникновения в специфику мужской гендерной роли делает поиски мужской идентичности у многих юношей более продолжительными, а их установки относительно соблюдения норм мужественности менее определенными. И, напротив, наличие среди значимых взрослых реального образца мужского ролевого поведения в большинстве своем позволяет мальчику к периоду юношеского возраста определиться со своими гендерными предпочтениями и тем самым создать более прочную основу для его мужской идентичности. При этом не исключено, что демонстрируемый юношами вариант мужской идентичности в этом случае может быть аналогичен варианту идентичности значимого мужчины – отца, однако это утверждение, разумеется, требует специальной проверки.

Также в рамках проведенного исследования мы получили данные, касающиеся специфики психологического благополучия и его основных структурных компонентов у юношей старшеклассников с разными вариантами развития мужской идентичности. По результатам сравнительного анализа нам удалось установить, что наиболее благополучными из всех наших испытуемых оказались юноши с альтернативными вариантами развития мужской идентичности, у которых были констатированы самые высокие показатели сразу по нескольким структурным компонентам и вместе с тем по общему уровню психологического благополучия. Так, согласно их точке зрения, для них в большей степени, чем для других сверстников мужского пола, характерны позитивные отношения с окружающими, в которых они допускают наличие близости и привязанности, а также ощущения личностного роста и саморазвития. Более того, по сравнению с представителями гибридных вариантов развития мужской идентичности старшеклассники с альтернативными типами также выглядят более успешными в управлении своими повседневными делами и различными жизненными обстоятельствами и к тому же демонстрируют гораздо более позитивное отношение к самим себе. В свою очередь юноши с патриархатными вариантами развития мужской идентичности позиционируют себя как самых независимых субъектов, способных противостоять социальному давлению и, кроме того, как более компетентных в управлении своим окружением, обладающих при этом еще и более высоким самопринятием, по сравнению со своими сверстниками с гибридными типами идентичности.

Конечно же, не исключено, что это всего лишь стратегия самопрезентации наших испытуемых, которая позволяет им поддерживать определенный образ Я, в том числе и репутацию «крутых парней», как это имеет место в случае с представителями патриархатных вариантов развития мужской идентичности. Другими словами, мы вполне допускаем, что вышеизложенные результаты могут быть связаны с особенностями используемого нами диагностического инструментария, представляющего собой стандартизированный самоотчет, и, следовательно, в какой-то мере обусловлены действием феномена социальной желательности. Однако для минимизации действия феномена социальной желательности необходимы иные диагностические процедуры, в частности, проективного характера, которыми мы пока не располагаем.

В целом, подводя итог выполненному исследованию, необходимо сказать, что все наши гипотезы нашли свое подтверждение.

Во-первых, мы убедились в том, что для большинства юношей из неполных (материнских) семей действительно оказались характерны, прежде всего, патриархатные (а именно, компенсаторный) и гибридные типы мужской идентичности, тогда как у их сверстников из полных семей наряду с патриархатными и гибридными на порядок чаще встречались альтернативные варианты развития мужской идентичности.

Во-вторых, как мы и предполагали, удалось обнаружить ряд существенных различий по большинству структурных компонентов психологического благополучия личности у юношей с разными вариантами развития мужской идентичности, большая часть из которых оказалась в пользу старшеклассников с альтернативными типами идентичности, а меньшая – в пользу старшеклассников с патриархатными типами идентичности.

В-третьих, самые высокие показатели общего уровня психологического благополучия были зафиксированы у испытуемых с альтернативными типами мужской идентичности, при этом относительно юношей с гибридными вариантами данные показатели достигают уровня статистически значимых различий. А значит, у нас есть все основания согласиться с мнением тех специалистов, которые говорят о необходимости смягчения традиционных норм мужественности и признания альтернативных патриархатным практикам мужских стандартов и моделей поведения и даже предлагают в этой связи конкретные пути и технологии поддержки современных мужчин [32].

Таким образом, проведенное нами сравнительное исследование позволило установить некоторую специфику проявления психологического благополучия у юношей старшеклассников с разными вариантами развития мужской идентичности, которая может лечь в основу построения новых научных гипотез и учитываться при разработке программ психологической помощи в процессе сопровождения мужской социализации в период детства, подростничества и юности.

Список использованных источников

1. Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. 264 с.
2. Деменев А.Г. Субъективистские и объективистские теории в современных исследованиях счастья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2016. №4. С. 7-15.
3. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. №6. С. 48-73.
4. Игаева К.В., Шмелева Н.В. Типология маскулинности в исследованиях моды // Вестник Мининского университета. 2019. Том 7, №2. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/995> (дата обращения: 08.07.2019)
5. Ильиных С.А. Множественная маскулинность // Социологические исследования. 2011. №7. С. 101-109.
6. Карапетян Л.В., Глотова Г.А. Исследование параметров эмоционально-личностного благополучия российских студентов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2018. №2. С. 76-88.

7. Карапетян Л.В., Глотова Г.А. Исследование параметров эмоционально-личностного благополучия российских студентов (окончание) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2018. №3. С. 60-75.
8. Киммел М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности // Гендерные исследования. 2006. №14. С. 34-52.
9. Клецина И.С. От традиционного типа отцовства к вовлеченным отцам // Ответственное отцовство: новые формы социальной работы: методическое пособие. СПб.: Стикс, 2010. С. 7-28.
10. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. М.: Проспект, 2017. 144 с.
11. Клецина И.С., Прохорова О.Л. Гендерная компетентность: психологическое содержание и специфика проявления в межличностных отношениях // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2010. Том 5. Психология. №2. С. 38-50.
12. Кон И.С. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. №4. С. 5-16.
13. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
14. Коннелл Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 432 с.
15. Куимов В.С. Проблема типологии маскулинности в гендерных исследованиях // Теория и практика общественного развития. 2015. №4. С. 26-31.
16. Мордвинов А.А., Игаева К.В. Маскулинность в работах Р. Коннелл и Дж. Мосса: культурный vs. социально-экономический детерминизм // Вестник Вятского государственного университета. 2018. №2. С. 30-34.
17. Никитина А.А. Изучение «мужской идентичности» в российской гендерной психологии // Сибирский психологический журнал. 2011. №41. С. 20-24.
18. Одинцова В.В., Горчакова Н.М. Эмоциональное благополучие как интегративная характеристика эмоциональной сферы // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2014. Вып. 1. С. 69-77.
19. Остроух И.Г. Метросексуал – стиль жизни, форма самореализации и самосознание мужчины в постиндустриальном обществе // Этнографическое обозрение. 2006. №4. С. 1-22.
20. Потехина Е.А. Модель «мужчина нового типа – метросексуал» как альтернатива гегемонной маскулинности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Том 2, №4. С. 77-85.
21. Радина Н.К., Никитина А.А. Социальная психология мужественности: социально-конструктивистский подход. М.: Боргес, 2011. 172 с.
22. Рикель А.М., Туниянц А.А., Батырова Н. Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2017. №2. С. 64-82.
23. Семенова Л.Э. Содержание основных моделей процесса гендерной социализации в современном обществе // Ярославский педагогический вестник. 2009. №3. С. 143-147.
24. Семенова Л.Э. Специфика родительского отношения и субъективного восприятия отцовства в контексте реального опыта мужчин-монородителей // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. №2. С. 108-111.

25. Семенова Л.Э., Серебрякова Т.А., Гарахина Ю.Е. Психологическое благополучие и опыт родительства женщин-матерей из разных типов семей // Вестник Мининского университета. 2018. Том 6, №2(23). С. 15. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/818> (дата обращения: 08.07.2019)
26. Семенова Л.Э., Серебрякова Т.А. Психологическое благополучие студентов-психологов с разными личностными ресурсами профессионально значимых характеристик // Вестник Мининского университета. 2018. Том 6, №3(24). С. 10. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/871> (дата обращения: 08.07.2019)
27. Суковатая В.А. Гегемонная маскулинность и конструкции «другого» в американской массовой культуре // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. 2010. №894. С. 63-67.
28. Сухушина Е.В., Абрамова М.О., Рыкун А.Ю. Современные образы маскулинности // Вестник науки Сибири. 2017. №4(27). С. 168-180.
29. Тартаковская И.Н. Гендерная социология. М.: Вариант; Невский Простор, 2005. 368 с.
30. Тихомандрицкая О.А., Мельникова О.Т. Исследование проблемы кризиса маскулинности в гендерной картине мира современной молодежи методом фокус-группы // Социальная психология и общество. 2018. Том 9, №3. С. 187-196.
31. Хитрук Е.Б. Концепция гегемонной маскулинности в теории Рэйвин Коннелл: от XX к XXI столетию // Социологический журнал. 2017. Том 23, №4. С. 8-30.
32. Хитрук Е.Б. Социально-психологическая поддержка мужчин в контексте «мужских проблем» // Социологические исследования. 2017. №11. С. 122-128.
33. Яремчук С.В., Ситяева С.М., Махова И.Ю. Субъективное благополучие и эмоциональные переживания в контексте адаптации личности к длительной экстремальной ситуации // Сибирский психологический журнал. 2016. №60. С. 77-92.
34. Brannon R.C. No «Sissy Staff»: The Stigma of Anything Vaguely Feminine // David D.S., Brannon R. (eds.) The Forty-Nine Percent Majority: The Male Sex Role. Reading, MA: Addison-Wesley, 1976. Pp. 1-48.
35. Connell R. Margin Becoming Centre: For a World-Centred Rethinking of Masculinities // NORMA: International Journal for Masculinity Studies. 2014. No. 9(4). Pp. 217-231.
36. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. No. 95. Pp. 542-575.
37. Glick P., Wilkerson M., Cuffe M. Masculine identity, ambivalent sexism, and attitudes toward gender subtypes: Favoring masculine men and feminine women // Social Psychology. 2015. No. 46(4). Pp. 210-217.
38. Glotova G., Karapetyan L. The Relationship between Emotional and Personal Well-Being and Psychological Well-Being, Extroversion-Introversion, Burnout and Adaptation // Pracana C., Wang M. (eds.) Psychology Applications and Developments III: Advances in Psychology and Psychological Trends Series. Chapter 2. Lisbon, Portugal: Science Press, 2017. Pp. 13-29.
39. Hearn J., Collinson D. Men, Masculinities, and Gender Relations // Aldag R.J. (ed.) Oxford Research Encyclopedia of Business and Management. Oxford: Oxford University Press, 2018. 342 p.
40. Jewkes R., Morrell R., Hearn J., Lundqvist E., Blackbeard D., Lindegger G., Quayle M., Sikweyiya Y., Gottzén L. Hegemonic masculinity: Combining theory and practice in gender interventions // Health & Sexuality. 2015. Vol. 17, no. S2. Pp. 96-111.

41. Joo B.K., Zigarmi D., Nimon K., Shuck B. Work cognition and psychological wellbeing: The role of cognitive engagement as a partial mediator // *The Journal of Applied Behavioral Science*. 2017. Vol. 53, no. 4. Pp. 446-469.
42. Lee J.Y., Lee S.J. Caring is masculine: Stay-at-home fathers and masculine identity // *Psychology of Men and Masculinity*. 2018. No. 19(1). Pp. 47-58.
43. Levit L.Z. Person-Oriented Conception of Happiness and Some Personality Theories: Comparative Analysis // *SAGE Open*. 2014. Vol. 4, no. 1. Pp. 1-7. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F2158244013518926>.
44. Merino M.D., Privado J. Positive Psychological Functioning. Evidence for a New Construct and its Measurement // *Anales de Psicología*. 2015. Vol. 31, no.1. Pp. 45-54.
45. Nam Y., Kim Y., Tam K.K. Effects of emotion suppression on life satisfaction in Americans and Chinese // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2017. Vol. 49, no. 1. Pp. 149-160.
46. Nastasi B.K., Borja A.P. *Psychological Well-Being in Children and Adolescents*. New York: Springer, 2016. 336 p.
47. O'Neil J.M. The psychology of men and boys in the year 2010: Theory, research, clinical practice, and future directions // Hansen J., Altmaier B. (eds) *Handbook of Counseling Psychology*. N.Y.: Oxford University Press; Washington, DC: American Psychological Association, 2011. Pp. 89-103.
48. Oliffe J.L., Ogrodniczuk J.S., Gordon S.J., Creighton G., Kelly M.T., Black N., Mackenzie C. Stigma in male depression and suicide: A Canadian sex comparison study // *Community Mental Health Journal*. 2016. No. 52(3). Pp. 302-310.
49. Oswald A., Proto E., Sgroi D. Happiness and productivity // *Journal of Labor Economics*. 2015. No. 33(4). Pp. 789-822.
50. Petts R.J., Shafer K., Essig L.W. Does adherence to masculine norms shape fathers' behaviors? // *Journal of Marriage and Family*. 2018. No. 80(3). Pp. 704-720.
51. Pleck J.H. *The Myth of Masculinity*. Cambridge, MA: MIT Press, 1981. 216 p.
52. Ryff C.D. Psychological well-being revisited: Advances in the science and practice of eudaimonia // *Psychotherapy and Psychosomatics*. 2014. Vol. 83, no. 1. Pp. 10-28.
53. Taylor T.E. The markers of wellbeing: A basis for a theory-neutral approach // *International Journal of Wellbeing*. 2015. No. 5(2). Pp. 75-90.

References

1. Gilmor D. The formation of masculinity: Cultural concepts of masculinity. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya Publ., 2005. 264 p. (In Russ.)
2. Demenev A.G. Subjectivist and objectivist theories in contemporary studies of happiness. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, 2016, no.4, pp. 7-15. (In Russ.)
3. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. What is «masculinity»? Conceptual keys to critical Studies in men and masculinities. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2018, no.6, pp. 48-73. (In Russ.)
4. Igaeva K.V., Shmeleva N.V. Typology of masculinity in fashion research. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2019, vol. 7, no.2. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/995> (accessed: 08.07.2019). (In Russ.)
5. Ilinykh S.A. Multiple masculinity. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2011, no.7, pp. 101-109. (In Russ.)

6. Karapetyan L.V., Glotova G.A. Research of parameters of emotional and personal well-being of Russian students. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*, 2018, no.2, pp. 76-88. (In Russ.)
7. Karapetyan L.V., Glotova G.A. Research of parameters of emotional and personal well-being of Russian students (conclusion). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*, 2018, no.3, pp. 60-75. (In Russ.)
8. Kimmel M. Masculinity as homophobia: fear, shame and silence in the construction of gender identity. *Gendernye issledovaniya*, 2006, no.14, pp. 34-52. (In Russian)
9. Kletsina I.S. From the traditional type of fatherhood to the involved fathers. *Otvetstvennoe otcovstvo: Novye formy social'noj raboty: metodicheskoe posobie*. St.Petersburg, Stiks Publ., 2010. Pp. 7-28. (In Russ.)
10. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Gender norms as a socio-psychological phenomenon: monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 144 p. (In Russ.)
11. Kletsina I.S., Prohorova O.L. Gender competence: psychological content and specificity of manifestation in interpersonal relations. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S.Pushkina*, 2010, vol. 5, Psihologiya, no.2, pp. 38-50. (In Russ.)
12. Kon I.S. Hegemonic masculinity as a factor of male (non)health. *Sociologiya: teoriya, metody, marketing*, 2008, no.4, pp. 5-16. (In Russ.)
13. Kon I.S. A man in a changing world. Moscow, Vremya Publ., 2009. 496 p. (In Russ.)
14. Connell R. Gender and power: society, the person, and sexual politics. Moscow, New Literature Review Publ., 2015. 432 p. (In Russ.)
15. Kuimov V.S. The issue of the typology of masculinity in gender studies. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no.4, pp. 26-31. (In Russ.)
16. Mordvinov A.A., Igaeva K.V. Masculinity in the works of R.Connell and J.Moss: cultural vs. socio-economic determinism. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no.2, pp. 30-34. (In Russ.)
17. Nikitina A.A. The study of the «male identity» in Russian, the gender of psychology. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 2011, no.41, pp. 20-24. (In Russ.)
18. Odincova V.V., Gorchakova N.M. Emotional well-being as an integrative characteristic of the emotional sphere. *Vestnik SPbGU. Seriya 12*, 2014, no.1, pp. 69-77. (In Russ)
19. Ostrouh I.G. Metrosexual – lifestyle, form of self-realization and self-consciousness of men in post-industrial society. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2006, no.4, pp. 1-22. (In Russ.)
20. Potekhina E.A. Model «man of a new type – metrosexual» as an alternative to hegemonic masculinity. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S.Pushkina*, 2015, vol. 2, no.4, pp. 77-85. (In Russ.)
21. Radina N.K., Nikitina A.A. Social psychology of masculinity: a social constructivist approach. Moscow, Borges Publ., 2011. 172 p. (In Russ.)
22. Rikel A.M., Tuniyanc A.A., Batyrova N. The concept of subjective well-being in hedonistic and eudemonistic approaches. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*, 2017, no.2, pp. 64-82. (In Russ.)
23. Semenova L.E. The content of the main models of the process of gender socialization in modern society. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2009, no.3, pp. 143-147. (In Russ.)
24. Semenova L.E. The specificity of the parental relationship and the subjective perception of fatherhood in the context of real experience of men-monaragala. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2014, no.2, pp. 108-111. (In Russ.)

25. Semenova L.E., Serebriakova T.A., Garahina Yu.E. Psychological well-being and parenting experience of women mothers from different types of families. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2018, vol. 6, no. 2(23), p. 15. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/818> (accessed: 08.07.2019). (In Russ.)
26. Semenova L.E., Serebriakova T.A. Psychological well-being of students-psychologists with different personal resources of professionally significant characteristics. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2018, vol. 6, no. 3(24), p. 10. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/871> (accessed: 08.07.2019). (In Russ.)
27. Sukovataya V.A. Hegemonic masculinity and «other» constructions in american mass culture. *Vestnik Har'kovskogo nacional'nogo universiteta im. V.N.Karazina*, 2010, no. 894, pp. 63-67. (In Russ.)
28. Suhushina E.V., Abramova M.O., Rykun A.Yu. Modern images of masculinity. *Vestnik nauki Sibiri*, 2017, no. 4(27), pp. 168-180. (In Russ.)
29. Tartakovskaya I.N. Gender Sociology. Moscow, Variant Publ., Nevskij Prostor Publ., 2005. 368 p. (In Russ.)
30. Tihomandrickaya O.A., Melnikova O.T. Study of the problem of masculinity crisis in the gender picture of the world of modern youth by the focus group method. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 2018, vol. 9, no.3, pp. 187-196. (In Russ.)
31. Hitruk E.B. The concept of hegemonic masculinity in the theory of Raven Connell: from XX to XXI century. *Sociologicheskij zhurnal*, 2017, vol. 23, no.4, pp. 8-30. (In Russ.)
32. Hitruk E.B. Socio-psychological support for men in the context of "men's problems». *Sociologicheskie issledovaniya*, 2017, no.11, pp. 122-128. (In Russ.)
33. Yaremchuk S.V., Sityaeva S.M., Mahova I.Yu. Subjective well-being and emotional experiences in the context of personal adaptation to a long-term extreme situation. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 2016, no. 60, pp. 77-92. (In Russ.)
34. Brannon R.C. No «Sissy Staff »: The Stigma of Anything Vaguely Feminine. *David D.S., Brannon R. (eds.) The Forty-Nine Percent Majority: The Male Sex Role*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1976. Pp. 1-48.
35. Connell R. Margin Becoming Centre: For a World-Centred Rethinking of Masculinities. *NORMA: International Journal for Masculinity Studies*, 2014, no. 9(4), pp. 217-231.
36. Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 1984, no. 95, pp. 542-575.
37. Glick P., Wilkerson M., Cuffe M. Masculine identity, ambivalent sexism, and attitudes toward gender subtypes: Favoring masculine men and feminine women. *Social Psychology*, 2015, no. 46(4), pp. 210-217.
38. Glotova G., Karapetyan L. The Relationship between Emotional and Personal Well-Being and Psychological Well-Being, Extroversion-Introversion, Burnout and Adaptation. *Pracana C., Wang M. (eds.) Psychology Applications and Developments III: Advances in Psychology and Psychological Trends Series. Chapter 2*. Lisbon, Portugal: Science Press, 2017. Pp. 13-29.
39. Hearn J., Collinson D. Men, Masculinities, and Gender Relations. *Aldag R.J. (ed.) Oxford Research Encyclopedia of Business and Management*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 342 p.
40. Jewkes R., Morrell R., Hearn J., Lundqvist E., Blackbeard D., Lindegger G., Quayle M., Sikweyiya Y., Gottzén L. Hegemonic masculinity: Combining theory and practice in gender interventions. *Health & Sexuality*, 2015, vol. 17, no. S2, pp. 96-111.

41. Joo B.K., Zigarmi D., Nimon K., Shuck B. Work cognition and psychological wellbeing: The role of cognitive engagement as a partial mediator. *The Journal of Applied Behavioral Science*, 2017, vol. 53, no. 4, pp. 446-469.
42. Lee J.Y., Lee S.J. Caring is masculine: Stay-at-home fathers and masculine identity. *Psychology of Men and Masculinity*, 2018, no. 19(1), pp. 47-58.
43. Levit L.Z. Person-Oriented Conception of Happiness and Some Personality Theories: Comparative Analysis. *SAGE Open*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 1-7. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F2158244013518926>.
44. Merino M.D., Privado J. Positive Psychological Functioning. Evidence for a New Construct and its Measurement. *Anales de Psicología*, 2015, vol. 31, no.1, pp. 45-54.
45. Nam Y., Kim Y., Tam K.K. Effects of emotion suppression on life satisfaction in Americans and Chinese. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2017, vol. 49, no. 1, pp. 149-160.
46. Nastasi B.K., Borja A.P. Psychological Well-Being in Children and Adolescents. New York: Springer, 2016. 336 p.
47. O'Neil J.M. The psychology of men and boys in the year 2010: Theory, research, clinical practice, and future directions. *Hansen J., Altmaier B. (eds) Handbook of Counseling Psychology*. N.Y.: Oxford University Press; Washington, DC: American Psychological Association, 2011. Pp. 89-103.
48. Oliffe J.L., Ogrodniczuk J.S., Gordon S.J., Creighton G., Kelly M.T., Black N., Mackenzie C. Stigma in male depression and suicide: A Canadian sex comparison study. *Community Mental Health Journal*, 2016, no. 52(3), pp. 302-310.
49. Oswald A., Proto E., Sgroi D. Happiness and productivity. *Journal of Labor Economics*, 2015, no. 33(4), pp. 789-822.
50. Petts R.J., Shafer K., Essig L.W. Does adherence to masculine norms shape fathers' behaviors? *Journal of Marriage and Family*, 2018, no. 80(3), pp. 704-720.
51. Pleck J.H. The Myth of Masculinity. Cambridge, MA: MIT Press, 1981. 216 p.
52. Ryff C.D. Psychological well-being revisited: Advances in the science and practice of Eudaimonia. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 2014, vol. 83, no. 1, pp. 10-28.
53. Taylor T.E. The markers of wellbeing: A basis for a theory-neutral approach. *International Journal of Wellbeing*, 2015, no. 5(2), pp. 75-90.

© Семенова Л.Э., Семенова В.Э., Серебрякова Т.А., Конева И.А., 2019

Информация об авторах

Семенова Лидия Эдуардовна – профессор кафедры коррекционной педагогики и специальной психологии, доктор психологических наук, доцент, Нижегородский институт развития образования, Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5077-394X, Researcher ID: O-6416-2017, e-mail: verunetchka08@list.ru.

Семенова Вера Эдуардовна – доцент кафедры теории и методики дошкольного образования, кандидат философских наук, доцент, Нижегородский институт развития образования, Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5841-5354, e-mail: verunetchka08@list.ru.

Серебрякова Татьяна Александровна – доцент кафедры практической психологии, кандидат психологических наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород,

General psychology, personality psychology, history of psychology

Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3859-7450, Researcher ID: K-1099-2017, e-mail: e-serebrya@yandex.ru.

Конева Ирина Алексеевна – доцент кафедры специальной педагогики и психологии, кандидат психологических наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-3395-9851, Researcher ID: J-7619-2017, e-mail: konvia@mail.ru.

Information about the authors

Semenova Lydia Eduardovna – Professor of Department of correctional pedagogy and special psychology, Doctor of psychology, Assistant Professor, Nizhny Novgorod Institute of education development, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5077-394X, Researcher ID: O-6416-2017, e-mail: verunchka08@list.ru.

Semenova Vera Eduardovna – Assistant Professor of Department of Theory and Methodology of Preschool Education, Candidate of philosophy, Assistant Professor, Nizhny Novgorod Institute of education development, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5841-5354, e-mail: verunchka08@list.ru.

Serebryakova Tat'yana Aleksandrovna – Assistant Professor of Department of Practical Psychology, Candidate of psychology, Assistant Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-3859-7450, Researcher ID: K-1099-2017, e-mail: e-serebrya@yandex.ru.

Koneva Irina Alekseevna – Assistant Professor of Department of Special Pedagogy and Psychology, Candidate of psychology, Assistant Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-3395-9851, Researcher ID: J-7619-2017, e-mail: konvia@mail.ru.

Вклад соавторов

Семенова Лидия Эдуардовна – обзор литературы; разработка программы исследования, подбор методик; сбор, анализ и интерпретация полученных данных, формулирование обобщающих выводов.

Семенова Вера Эдуардовна – обзор литературы; сбор, анализ и интерпретация полученных данных, формулирование обобщающих выводов.

Серебрякова Татьяна Александровна – разработка программы исследования, подбор методик; сбор, анализ и интерпретация полученных данных, формулирование обобщающих выводов.

Конева Ирина Алексеевна – разработка программы исследования, подбор методик; сбор, анализ и интерпретация полученных данных, формулирование обобщающих выводов.

Contribution of authors

Semenova Lydia Eduardovna – literature review; the development of research program, recruitment methods; collection, analysis and interpretation of data, formulation of general conclusions.

Semenova Vera Eduardovna – literature review; collection, analysis and interpretation of data, formulation of general conclusions.

Serebryakova Tat'yana Aleksandrovna – the development of research program, recruitment methods; collection, analysis and interpretation of data, formulation of general conclusions.

Koneva Irina Alekseevna – the development of research program, recruitment methods; collection, analysis and interpretation of data, formulation of general conclusions.

Поступила в редакцию: 07.08.2019

Принята к публикации: 11.11.2019

Опубликована: 18.12.2019